

Рина Валор



Хранительница

Расколотого Мира

Рина Валор

Хранительница расколотого мира

«Автор»

2025

Валор Р.

Хранительница расколотого мира / Р. Валор — «Автор», 2025

Кира, реставратор древних книг, случайно открывает манускрипт, который переносит её в умирающий мир магии. Там её называют Носительницей Эха — единственной, кто способен спасти Этериум. Но чтобы вернуть утраченную силу, Кира должна довериться Дамиану — изгнанному магу с мрачным прошлым, чьи тайны пугающе переплетаются с её собственной трагедией. Кто он для неё — спаситель или палач? И сможет ли она выполнить предсказание, от которого зависит судьба обоих миров?

Рина Валор

Хранительница расколотого мира

Глава 1. Осколок в медальоне

Тишина в Великом Архиве была не просто отсутствием звука. Она была субстанцией. Густая, весомая, сотканная из пыли веков, шелеста пергамента и призрачного эха давно умолкнувших голосов. Она оседала на резных дубовых стеллажах, проникала в толщу кожаных переплетов и успокаивающе ложилась на плечи Киры, отгораживая ее от суетливого и крикливого мира за толстыми стенами. Здесь, в своем царстве каталогов и манускриптов, она была не просто архивариусом, а жрицей ушедших эпох. И это служение было ее спасением.

Ее рабочий стол в дальнем углу реставрационного зала был алтарем порядка в этом океане древнего хаоса. Каждый инструмент – от тончайшего скальпеля до кисточки из беличьего волоса – лежал в строго отведенном ему месте, выровненный по невидимым линиям. Пробирки с пигментами, баночки с японским клеем из водорослей и флаконы с растворителями стояли, сгруппированные по назначению и цвету. Этот доведенный до абсурда педантизм не был простой причудой. Он был ее броней, ее способом контролировать хотя бы один крошечный уголок вселенной. Если она могла идеально выровнять ряд инструментов, значит, она все еще контролировала свою жизнь. Это был не перфекционизм, а жизненная необходимость, единственный способ держать под замком тот другой, внутренний хаос, который однажды уже сжег ее жизнь дотла, оставив после себя лишь горький привкус пепла.

Иногда достаточно было мимолетного запаха – дыма от осенних костров, которые жгли в парке, или резкого аромата бензина с улицы – чтобы тонкая стена контроля начинала трескаться. Память не спрашивала разрешения. Она врвалась непрошеным гостем, принося с собой жар, крики и ослепляющий оранжевый свет пламени, пожирающего деревянный дом. В такие моменты Кира до боли сжимала в руке скальпель, и холодная сталь возвращала ее в реальность, в тишину и полумрак Архива. Она с удвоенной силой впивалась взглядом в потрескавшуюся кожу переплета, впуская в себя лишь историю книги, а не свою собственную. Работа спасала. Работа была ее якорем в бушующем море воспоминаний.

Сегодня перед ней лежал особенно сложный случай. Древняя книга, поступившая из опечатанного поместья недавно скончавшегося затворника-коллекционера. У нее не было ни названия, ни инвентарного номера. Просто «объект 17». Кожаный переплет был гладким, без единого тиснения, иссиня-черным, словно поглощающим свет. Но самой большой загадкой были страницы. Они были сделаны не из пергамента или бумаги, а из чего-то иного – тончайшего, эластичного материала молочного цвета, который был прохладным на ощупь и, казалось, едва заметно пульсировал под пальцами. Текст, нанесенный серебристыми чернилами, состоял из незнакомых, переплетающихся символов, похожих на застывшие в танце языки пламени.

Ее задача была простой – очистить, укрепить, сохранить. Но с каждым часом, проведенным над этой книгой, Киру не покидало странное, иррациональное чувство. Ей казалось, что книга наблюдает за ней. Что она живая.

Она осторожно провела ватным тампоном, смоченным в слабом растворе, по одному из символов. Серебристые чернила под ним блеснули ярче, и на мгновение ей почудился тихий, мелодичный звон, похожий на звук крошечного колокольчика. Кира замерла, прислушиваясь. Тишина. Лишь мерное тиканье старинных часов в кабинете заведующего. «Нервы», – решила она, возвращаясь к работе.

На шее под свитером что-то потеплело. Кира бессознательно коснулась этого места. Пальцы нащупали знакомые очертания старого серебряного медальона на тонкой цепочке. Единственная вещь, оставшаяся ей от бабушки. Он был простым, овальной формы, с выгравированным на поверхности узором из переплетенных ветвей. Бабушка никогда не снимала его, а перед смертью надела на шею маленькой Кире со словами: «Он сохранит твое эхо, девочка моя. Никогда не теряй его». Кира тогда не поняла смысла этих слов, а потом было уже не у кого спросить. Медальон обычно был холодным, как кусочек льда, но сейчас он был отчетливо теплым.

Она попыталась проигнорировать это, но тепло становилось все настойчивее, превращаясь в легкую вибрацию, которая отдавалась по всей грудной клетке. Это было странно и пугающе. Она никогда не сталкивалась с подобным.

– Кира, зайди на минутку, – раздался из своего кабинета голос Аркадия Петровича, заведующего Архивом.

Она с облегчением отложила инструмент. Любой предлог, чтобы оторваться от этой странной книги, был хорош.

Аркадий Петрович был полной ее противоположностью – добродушный, слегка рассеянный человек, чей стол вечно утопал в бумагах, а очки постоянно съезжали на кончик носа. Он был единственным человеком, чье вторжение в ее упорядоченный мир она терпела без внутреннего содрогания. Он взял ее на работу пять лет назад, разглядев за колючей оболочкой студентки настоящий талант, и с тех пор относился к ней с отеческой заботой, которую Кира принимала с благодарностью, но всегда держала на расстоянии вытянутой руки.

– Вот, посмотри, – сказал он, когда она вошла, указывая на экран своего компьютера. На нем были фотографии залитых светом готических залов, уставленных стеллажами. – Пришел запрос из одного европейского музея. Ищут специалиста по средневековым пигментам для консультации. Проект на три месяца, в Праге. Я подумал о тебе.

Кира взглянула на экран. Когда-то она бы вцепилась в это предложение, как в спасательный круг. Путешествие, новая страна, работа с уникальными материалами – это было мечтой любой девушки с ее факультета. Но сейчас... Мысль о том, чтобы покинуть свою берлогу, свою идеально отлаженную крепость, вызвала глухое беспокойство. Новые места, новые люди, нарушение привычного ритуала – все это было опасно. Непредсказуемо.

– Я не уверена, что справлюсь, – честно сказала она.

Аркадий Петрович снял очки и посмотрел на нее своим добрым, немного усталым взглядом.

– Кира, ты лучший специалист, которого я знаю. Дело не в том, справишься ли ты. Дело в том, хочешь ли ты. Тебе нужно выбираться из этой скорлупы. Мир больше, чем эти стены, как бы ты их ни любила. Подумай об этом, ладно?

– Спасибо, Аркадий Петрович, я подумаю, – сказала она, используя универсальную формулу вежливого отказа, хотя и знала, что он понял ее истинный смысл.

– Думай, – кивнул он, уже погружаясь в свои бумаги. – Только не слишком долго. Такие шансы на дороге не валяются.

Вернувшись на свое место, Кира почувствовала легкое раздражение, смешанное с чувством вины. Он был прав. Она пряталась. Но ее убежище было таким надежным. Она снова склонилась над манускриптом. Нужно было закончить центральный разворот, где текст обрамлял крупный, сложный символ. Вибрация от медальона, казалось, вошла в резонанс с книгой. Теперь она не просто чувствовала тепло – она ощущала легкий гул, исходивший, казалось, от самого стола.

Она взяла тончайшую кисть, смоченную в очищающем растворе, и вернулась к работе. Чем ближе кончик кисти подбирался к центру символа, тем сильнее становился гул. Он проникал в кости, заставляя зубы мелко вибрировать. Это было уже невозможно списать на уста-

лость. Страх, холодный и рациональный, начал просыпаться внутри. Что это за книга? Радиоактивна? Обработана каким-то неизвестным химикатом, вызывающим слуховые и тактильные галлюцинации?

Она решила прекратить работу и отнести книгу в изолятор для дальнейшего исследования. Но когда она попыталась убрать руку, то поняла, что не может. Палец, которым она придерживала страницу, словно приклеился. Невидимая сила держала ее, и паника, липкая и иррациональная, начала змеей подниматься из глубины души. Она дернула руку сильнее, напрягая мышцы.

И в этот момент символ под ее пальцем взорвался ослепительным, нестерпимым светом.

Мир вокруг Кире не просто исчез, он раскололся на мириады осколков. Звук разбитого стекла смешался с оглушающим ревом, пол под ногами превратился в вязкую пустоту. Ощущение собственного тела пропало. Она была чистым сознанием, несущимся сквозь пульсирующий фиолетовый мрак, который одновременно был и ледяным, и обжигающим. Перед глазами мелькали образы – незнакомые лица, руины городов, звезды, взрывающиеся сверхновыми. Ее растягивало, сжимало, выворачивало наизнанку. Она закричала, но звук не родился, он был поглощен этой вселенской пустотой. Это была агония, растянувшаяся на вечность или на одно мгновение.

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось.

Кира рухнула на что-то твердое и влажное, больно ударившись плечом и бедром. Тело, вернувшееся к ней, было чужим и непослушным. Воздух, который она судорожно вдохнула, был холодным и пах гниющими листьями и чем-то еще, незнакомым и тревожным – запахом озона после грозы. Она закашлялась, сотрясаясь всем телом, пытаясь прийти в себя. Голова гудела, все тело ломило. Она с трудом открыла глаза.

Первое, что она увидела – небо. Болезненно-лиловое, затянутое седыми, рваными облаками. И по этому небу, словно шрамы на коже, расплзалась густая сеть багровых трещин, из которых сочился тусклый, неживой свет. Кира застыла, не в силах оторвать взгляд от этого кошмарного, апокалиптического зрелища.

Она лежала на земле, покрытой бурым, склизким мхом и остатками почерневших листьев. Вокруг стояли деревья – или то, что от них осталось. Чахлые, скрюченные, с обломанными ветвями, тянущимися к расколотому небу, словно руки утопающих. Ни единого зеленого листка. Ни звука пения птиц. Только мертвая, гнетущая тишина и тихий шелест ветра, продувающего голые ветви.

Паника, сменившаяся ступором, начала отступать, уступая место холодному, аналитическому ужасу. Мозг, натренированный на поиск логических объяснений, лихорадочно перебирал варианты. Сильный удар током? Отравление парами растворителя? Внезапный инсульт? Любое, даже самое страшное медицинское объяснение было бы предпочтительнее того, что подсказывали ей органы чувств. Это место было неправильным. Оно было больным.

Она с трудом поднялась на ноги, морщась от боли в ушибленном плече. Ее одежда – удобные джинсы и мягкий свитер – промокла от влажной земли. Она отряхнулась и огляделась по сторонам. Лес был повсюду, одинаково мертвый и безрадостный во всех направлениях. Ни тропинки, ни просеки. И ни одного следа цивилизации.

И тут она услышала хруст ветки.

Кира замерла, всем телом превратившись в слух. Звук повторился, на этот раз ближе. Кто-то шел сквозь лес, и этот кто-то был совсем рядом. Сердце заколотилось в груди, отдаваясь гулкими ударами в висках. Дикое животное? Или... человек? В таком месте встреча с человеком пугала едва ли не больше.

Она медленно повернулась на звук и увидела его.

Он вышел из-за ствола громадного, мертвого дерева, двигаясь с какой-то хищной, бесшумной грацией. Он был высоким, одетым в темную, потертую кожаную куртку и практичные

штаны. Темные волосы были растрепаны, словно он только что продирался сквозь чашу, но на его лице не было ни царапины. Он остановился в нескольких шагах от нее, сложив руки на груди, и просто смотрел.

Но больше всего Киру поразили его глаза. Серые, как зимнее небо, холодные и пронзительные. В них не было ни удивления, ни любопытства. Только застарелая усталость и плохо скрываемое раздражение.

– Еще одна, – произнес он. Голос у него был низкий и ровный, но в нем слышались металлические нотки. – Словно миру мало проблем.

Кира молчала, не зная, что ответить. Вопросы роились в голове, но ни один не мог сорваться с языка. «Кто вы? Где я? Что происходит?» – все они казались нелепыми перед лицом этого спокойного, враждебного незнакомца.

Он окинул ее оценивающим взглядом, от которого ей стало неуютно. Словно он не просто смотрел, а взвешивал, оценивал, примеряя к какой-то своей, известной лишь ему шкале бесполезности. Привычка к самоконтролю взяла верх над паникой. Кира заставила себя выпрямиться, хоть плечо и отозвалось тупой болью, и скрестила руки на груди, неосознанно копируя его позу.

– Что значит «еще одна»? – ее собственный голос прозвучал на удивление твердо, хоть и немного хрипло.

Он едва заметно изогнул бровь. Кажется, ее тон его слегка удивил.

– То и значит. Потерявшаяся, напуганная, с глупым выражением лица. Вы все одинаковые, – отчеканил он, и в его голосе проскользнуло откровенное пренебрежение.

Сарказм всегда был лучшим щитом Киры. Она пустила его в ход инстинктивно.

– Прошу прощения, если мое растерянное лицо оскорбило ваши эстетические чувства. Не каждый день проваливаешься сквозь пол собственной мастерской в декорации к фильму ужасов.

– Мастерской? – он зацепился за знакомое слово, проигнорировав ее выпад. – Как ты сюда попала? Через Прорыв?

– Через что, простите? – Кира понятия не имела, о чем он говорит. – Я работала с манускриптом. Коснулась символа, и... вот.

Его взгляд стал еще более холодным. Он медленно подошел на шаг ближе, и Кира невольно отступила. От него исходила аура опасности, тихой и уверенной.

– Символ, значит, – процедил он сквозь зубы. – Все становится только хуже.

Он замолчал, оглядывая ее так, словно она была не человеком, а сложной и неприятной проблемой, которую нужно было срочно решить. Оставить? Уничтожить? Кира чувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к сырости леса.

– Послушайте, – начала она, решив, что лучшая защита – это нападение. – Я не знаю, кто вы и что это за место, но я бы хотела получить хоть какие-то ответы. Где я?

Он посмотрел на нее так, словно она спросила, почему вода мокрая.

– Ты в Этерии. Хотя то, что от него осталось, сложно так называть.

– Этерия? – слово было ей знакомо из мифологии, но никак не вязалось с этой мертвой пустошью. – Хорошо. Допустим. А вы... местный житель? Смотритель этого унылого парка?

Уголок его рта едва заметно дрогнул. То ли от раздражения, то ли от насмешки.

– Можно и так сказать. А теперь мой вопрос. Что за символ? Опиши его.

Кира нахмурилась. Делиться с ним информацией не хотелось. Инстинкт самосохранения кричал, что этому человеку доверять нельзя.

– Не думаю, что это ваше дело.

Он вздохнул. Тяжело, прерывисто, как человек, чье терпение вот-вот лопнет.

– Послушай меня внимательно, *попаданка*, – он выделил последнее слово с убийственной иронией. – У тебя есть два варианта. Первый: ты отвечаешь на мои вопросы, и я, так и

быть, вывожу тебя из этого леса, прежде чем тебя найдет что-нибудь голодное. Этот лес не так мертв, как кажется. Второй вариант: ты продолжаешь изображать из себя загадочную особу, я разворачиваюсь и ухожу, а ты остаешься здесь наедине с местной фауной. Поверь, они не будут так вежливы.

Его слова прозвучали абсолютно буднично, и именно это пугало больше всего. Он не угрожал, он констатировал факт. Кира сглотнула. Она посмотрела на сгущающиеся тени между деревьями и поняла, что он не шутит.

– Спираль, – неохотно выдавила она. – И что-то вроде расколотой звезды в центре.

Мужчина замер. На его лице впервые отразилось что-то похожее на эмоцию – смесь удивления и чего-то еще, более темного. Он смотрел на нее долгим, нечитаемым взглядом, а потом коротко выругался себе под нос.

– Так я и думал, – он потер переносицу. – Идем.

– Куда? – насторожилась Кира.

– Туда, где тебя не сожрут в первую же ночь, – бросил он через плечо, уже разворачиваясь. – Если, конечно, ты предпочитаешь компанию одного меня компании множества зубастых тварей. Выбор за тобой, но решай быстрее. Скоро стемнеет.

Он не ждал ответа, просто пошел вглубь леса, уверенно лавируя между скрюченными стволами. Кира помедлила секунду, взвешивая варианты. Остаться одной в этом кошмарном лесу или пойти за человеком, который казался едва ли не опаснее любого монстра? Выбор был очевиден. Сжав зубы, она поспешила за ним.

Они шли в полном молчании. Он – впереди, двигаясь легко и быстро, она – позади, постоянно спотыкаясь о корни и скользя на влажном мху. Ее городские ботинки совершенно не были предназначены для таких прогулок. Через полчаса она тяжело дышала, а боль в ушибленном плече стала острой и навязчивой.

– Не могли бы вы... помедленнее? – выдохнула она, когда в очередной раз чуть не упала.

Он остановился и обернулся, окинув ее все тем же раздраженным взглядом.

– Я думал, ты хочешь выбраться из леса до заката. Или ты передумала?

– Я просто... не привыкла к таким марш-броскам по пересеченной местности, – огрызнулась она.

Он подошел, и прежде чем она успела отреагировать, схватил ее за руку чуть выше локтя. Его хватка была как стальной обруч.

– Тогда просто иди и помалкивай, – его голос был тихим, но в нем прозвучала сталь. – И смотри под ноги.

Он потащил ее за собой, не давая больше возможности отстать. Его прикосновение было безличным, как захват конвоира, но кожа под его пальцами горела. Кира попыталась вырваться, но его хватка только усилилась. Пришлось подчиниться, проклиная и его, и свою собственную беспомощность.

Так они шли еще около часа. Лиловые сумерки начали сгущаться, а трещины на небе стали светиться ярче, заливая мертвый лес призрачным багровым сиянием. Становилось по-настоящему жутко.

Наконец, ее проводник остановился на краю обрыва. Внизу зияла темная, бездонная пропасть.

– Пришли, – сказал он.

Кира в отчаянии посмотрела по сторонам. Куда пришли? Это была конечная? Он собирался просто сбросить ее вниз?

– Смотри, – приказал он, указывая на противоположную сторону ущелья.

Кира проследила за его взглядом и ахнула. Там, вцепившись корнями в скалы, росли гигантские, невероятных размеров деревья. Их стволы были толщиной с башню, а кроны терялись где-то в лиловых облаках. И высоко-высоко, среди этих исполинских крон, горели огни.

Маленькие, теплые, желтые точки, словно звезды, запутавшиеся в ветвях. Между деревьями были перекинута тонкие нити веревочных мостов, на которых тоже виднелись огоньки фонарей. Это было целое поселение, висящее между небом и землей, город в кронах деревьев. Картина была настолько фантастической и прекрасной, что на мгновение Кира забыла о страхе и усталости.

– Что это? – прошептала она.

Мужчина наконец отпустил ее руку и направился к узкой, едва заметной тропинке, ведущей к началу одного из таких мостов.

– Тихая Гавань, – бросил он, не оборачиваясь. – Единственное место, где тебя не убьют в первую же ночь.

Он сделал паузу, а потом добавил с той же холодной иронией:

– Если повезет. И да, меня зовут Дамиан. Просто чтобы ты знала, чье имя проклинать, когда будешь карабкаться по этому мосту.

Глава 2. Мир наизнанку

Слово «мост» было обманом. Оно подразумевало надежность, инженерную мысль, перила – цивилизованный способ пересечь пустоту. То, что начиналось у ног Киры, было не мостом, а скорее оскорблением самой концепции безопасности. Две толстые, потрепанные веревки уходили во мрак, служа ненадежными направляющими для рук, а под ногами – ряд дощечек, набросанных с таким небрежением, будто их создатель был пьян или глубоко презирал всех, кто рискнет по ним пройти. Они раскачивались на ледяном ветру, который завывал, поднимаясь из бездонного ущелья, и каждый порыв приносил с собой тихий, стонущий скрип.

Кира стояла на краю, вцепившись взглядом в далекие огоньки Тихой Гавани. Они мерцали, как обманчивые звезды, обещая тепло и безопасность, но путь к ним лежал через этот кошмар. Головокружение, вызванное не высотой, а самим фактом существования этого места, подступало к горлу. Ее рациональный ум, привыкший к миру, где действуют законы физики и строительные нормы, отказывался принимать эту реальность.

– Я не пойду, – сказала она, и слова прозвучали глухо, словно их тут же поглотила пропасть.

Дамиан, стоявший рядом, даже не повернулся. Он смотрел на раскачивающуюся конструкцию с тем же скучающим видом, с каким можно было разглядывать очередь в супермаркете.

– Прекрасно. Оставайся, – его голос был ровным, лишенным эмоций. – Ночная прохлада здесь, говорят, творит чудеса с метаболизмом. Твари из ущелья становятся особенно прожорливыми. Ты для них будешь настоящим деликатесом. Нежная, растерянная, и, судя по всему, совершенно неспособная быстро бегать.

Его спокойствие бесило больше, чем любая угроза. Он не пытался ее убедить или напугать. Он просто констатировал факт, предоставляя ей иллюзию выбора, которого на самом деле не было. Это была его жестокая игра.

– Почему здесь нет нормального моста? Каменного? Или хотя бы железного? – потребовала она ответа, отчаянно цепляясь за логику в мире, где ее, похоже, не существовало.

Он наконец удостоил ее взглядом. В его серых глазах мелькнула тень чего-то похожего на насмешку.

– Потому что камень помнит. Железо кричит. Любая прочная конструкция в этом месте стала бы маяком для всего, что ползает во тьме. Этот мост жив. Он дышит вместе с ветром, он стонет вместе с ущельем. Он – часть этого места, поэтому его не трогают. А теперь, если лекция по основам выживания окончена, не могла бы ты перестать тратить мое время?

Не дожидаясь ответа, он шагнул на первую доску. Мост под его весом угрожающе качнулся, но Дамиан двинулся вперед с такой уверенностью, словно шел по широкому проспекту.

Он не держался за веревочные перила, лишь изредка касаясь их кончиками пальцев для равновесия.

Кира смотрела ему в спину, и ледяной ужас боролся в ней с упрямым гневом. Он был прав. Остаться здесь – самоубийство. Но сделать шаг в эту качающуюся пустоту казалось не меньшим безумием. Она закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в коленях. Вспомнился детский страх высоты, когда она, шестилетняя, застыла на верхней ступеньке стремянки в старом саду, не в силах ни спуститься, ни позвать на помощь. Тогда пришла бабушка. Она не стала ее ругать. Просто встала внизу и сказала своим спокойным, глубоким голосом: «Не смотри вниз, Кира. Смотри на меня. Просто делай один шаг за раз. Я тебя поймаю».

Она открыла глаза. Внизу выла бездна. Впереди удалялась темная фигура Дамиана. Он не собирался ее ловить. Ему было все равно. И от этого осознания гнев вспыхнул с новой силой, вытесняя страх. Он не получит удовольствия, наблюдая ее панику.

Сделав глубокий вдох, она шагнула на мост.

Доски под ногами тут же прогнулись и качнулись. Она вцепилась в грубые, влажные от ночной измороси веревки так, что побелели костяшки пальцев. Запах гнили и мокрой пенки ударил в нос. Она заставила себя не смотреть вниз, сосредоточив взгляд на спине Дамиана. Один шаг. Потом еще один. Мост раскачивался в такт ее неуверенным движениям и порывам ветра, превращая каждый следующий шаг в испытание воли.

Ущелье под ней было не просто глубоким. Оно было живым. Оттуда доносились странные звуки – не то шепот, не то отдаленный скрежет, от которого по коже бежали мурашки. Ветер был не просто потоком воздуха, он казался осмысленным, он толкал ее в спину, а потом резко дергал в сторону, пытаясь сорвать, сбросить вниз.

Она была на середине пути, когда Дамиан остановился. Кира тоже замерла, боясь дышать.

– Что такое? – прошептала она.

– Тише, – бросил он, не оборачиваясь. Его силуэт напрягся.

И тут она услышала это. Низкий, вибрирующий звук, похожий на гудение огромного насекомого. Он исходил откуда-то снизу и становился все громче. Доски под ногами завибрировали. Кира рискнула бросить взгляд вниз.

Во мраке пропасти, гораздо ниже, чем она могла себе представить, вспыхнули два тусклых, фосфоресцирующих огонька. Они начали быстро подниматься, и гудение усилилось.

– Не двигайся, – голос Дамиана был тихим, но твердым как сталь. – Что бы ни случилось, не издавай ни звука и не двигайся.

Огоньки были уже совсем близко. Теперь Кира могла разглядеть то, чему они принадлежали. Это было огромное, насекомоподобное существо, размером с небольшой автомобиль. Длинное, сегментированное тело, покрытое хитиновым панцирем, который тускло поблескивал в багровом свете трещин на небе. Множество тонких, зазубренных лап цеплялись за нижнюю сторону моста, а из головы торчали два огромных, фасеточных глаза, светившихся мертвенным зеленым светом. Существо медленно ползло прямо под ними.

Ужас парализовал Киру. Она чувствовала, как тварь движется, ощущая вибрацию всем телом. Ей казалось, что чудовище чувствует ее, знает, что она здесь, всего в метре над его уродливой головой. Она зажмурилась, вцепившись в веревки, и молилась всем богам, в которых никогда не верила.

Прошла вечность. Гудение начало удаляться, вибрация стихла. Кира осмелилась открыть глаза. Зеленые огоньки переместились к другому краю ущелья и скрылись во тьме.

– Что... что это было? – выдавила она, чувствуя, как по щекам текут слезы.

– Страж. Или падальщик. Зависит от того, стоишь ты на мосту или лежишь на дне ущелья, – безразлично ответил Дамиан и продолжил свой путь.

Остаток пути Кира преодолела на автопилоте, не чувствуя ни рук, ни ног. Когда она наконец ступила на твердую землю, колени подкосились, и она рухнула на землю, тяжело дыша. Твердая, покрытая корнями земля под пальцами казалась величайшей роскошью в мире.

Она подняла голову. Они стояли на широкой платформе, вырубленной прямо в скале у подножия одного из гигантских деревьев. Отсюда вверх вела спиральная лестница, вырезанная прямо в стволе. Мертвый лес остался по ту сторону пропасти. Здесь воздух был другим – чистым, прохладным, с нотками смолы и чего-то пряного, похожего на запах сандала. Деревья были живыми, их могучие ветви, покрытые темно-зеленой листвой, создавали над головой плотный купол.

– Добро пожаловать в Тихую Гавань, – сказал Дамиан, наблюдая за ней сверху вниз. В его голосе не было и тени сочувствия. – Вставай. Мы почти пришли.

Они поднялись по лестнице, и Кира оказалась в совершенно ином мире. Тихая Гавань была построена на нескольких ярусах массивных деревянных платформ, соединенных между собой десятками подвесных мостиков, которые выглядели куда надежнее того, по которому она только что прошла. Дома, вырезанные из цельных кусков дерева или построенные прямо в дуплах исполинских деревьев, были украшены искусной резьбой. В окнах горел теплый свет фонарей. В воздухе витал запах древесного дыма, жареного мяса и сушеных трав. Слышались приглушенные голоса, тихий смех, перезвон ветряных колокольчиков.

Люди, встречавшиеся им на пути, были одеты в простую, функциональную одежду из кожи и грубой ткани. Они двигались уверенно и тихо. При виде Дамиана они почтительно кивали, но в их взглядах, обращенных на Киру, читались настороженность и нескрываемое любопытство. Никто не улыбался. Атмосфера была не враждебной, но напряженной. Это было место, где люди привыкли выживать, а не жить.

Дамиан привел ее к одному из самых высоких домов, прилепившемуся к главному стволу, и открыл тяжелую, окованную железом дверь.

Его жилище было отражением его самого. Просторное, но аскетичное. Никаких украшений, никакой лишней мебели. Огромный камин, сейчас холодный. Стол, заваленный книгами в старинных переплетах и свитками. Несколько стеллажей, уставленных странными артефактами: кристаллами, пульсирующими тусклым светом, засушенными растениями причудливой формы, колбами с разноцветными жидкостями. В воздухе пахло пылью, озоном и травами.

– Садись, – он указал на грубое деревянное кресло у камина. Сам же прошел к столу и налил в две глиняные кружки темную жидкость из кувшина. Одну он протянул ей.

– Что это? – подозрительно спросила Кира.

– Вода. С отваром горных трав. Успокаивает нервы. Хотя в твоем случае, боюсь, это бесполезно.

Она осторожно отпила. Напиток был горьковатым, но согревающим. Дрожь в руках начала понемногу утихать.

– Итак, – Дамиан сел напротив, откинувшись на спинку стула. Свет от магического кристалла на его столе бросал на его лицо резкие тени. – Давай проясним несколько моментов, пока ты не натворила еще больших глупостей.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

– Этот мир, Этерия, умирает. То, что ты видела на небе – Великий Раскол. Дыра в ткани реальности, которая медленно пожирает все вокруг. Она источает дикую, необузданную магию, которая искажает все, к чему прикасается. Растения, животные... люди. Она превращает их в чудовищ, вроде того, которого ты видела под мостом.

Кира слушала, вцепившись в кружку. Это звучало как бред сумасшедшего, но она только что видела это небо и эту тварь своими глазами.

– Почему... как это произошло? – спросила она.

– Предательство, – коротко бросил он. – Давным-давно существовал орден Хранителей Узора. Могущественные маги, чьей задачей было поддерживать целостность мира. Но один из них, или несколько, решили, что мир несовершенен, и попытались его «перекроить». В итоге они его просто порвали. С тех пор Раскол только растет.

– А вы... вы тоже один из этих... хранителей?

На его губах появилась кривая усмешка, лишённая веселья.

– Я – то, что от них осталось. Осколок прошлого, который почему-то до сих пор не выкинули на свалку.

Он замолчал, и его взгляд стал отстранённым. Кира чувствовала, что за этими словами скрывается целая история, полная боли и потерь.

– Но при чем здесь я? – она вернула его к главному вопросу. – Почему я здесь? И что вы имели в виду, когда называли меня «еще одной»?

Дамиан снова посмотрел на нее, и его взгляд стал жестким.

– Время от времени Раскол выплевывает в наш мир... аномалии. Людей из других реальностей. Таких, как ты. Обычно они появляются в самом сердце искаженных земель и долго не живут. Но ты другая. Ты появилась здесь, в относительно спокойном месте. И на тебе вот это.

Он кивнул на ее шею. Медальон. Кира вытащила его из-под свитера. Он снова был холодным и тусклым.

– Это Ключ Хранителя. Знак древнего рода, который, как считалось, прервался много лет назад. И у этого рода, – он сделал паузу, произнося слова медленно и отчетливо, – была легенда. О том, что когда мир окажется на грани гибели, вернется последняя из их крови, чтобы спасти его. Ее называли Носительница Эха.

Кира уставилась на него. Легенда. Спасительница мира. Это было слишком. Она – спасительница? Девушка, которая прячется от собственных воспоминаний в пыльном архиве? Это была самая нелепая шутка, которую она когда-либо слышала.

– Вы смеетесь, – выдохнула она. – Это какой-то розыгрыш. Очень жестокий и продуманный, но розыгрыш.

– Я не смеюсь, – его голос был холоден как лед. – У меня нет на это времени. Появление человека с Ключом Хранителя – это не шутка. Это проблема. Огромная проблема. Потому что теперь за тобой будут охотиться все. Конклав, который правит в Нексусе, захочет использовать тебя как символ и оружие. Ткачи Забвения, которые поклоняются Расколу, захотят тебя убить, чтобы ты им не мешала. И еще десятки мелких фракций, которые захотят получить твою силу.

Он подался вперед, и его серые глаза впились в нее.

– А силы у тебя нет. Ты даже не знаешь, что с этим медальоном делать. Ты просто приманка, Кира. Приманка в мире, полном хищников. И ты привела их прямо ко мне.

В этот момент кристалл на столе, освещавший комнату, мигнул. Свет стал тусклым, почти исчез, а потом вспыхнул снова, но уже не ровным, а дрожащим, больным светом. Снаружи донесся встревоженный гул голосов и резкий, диссонирующий звон колокольчиков.

– Что это? – испуганно спросила Кира.

– Это? – Дамиан откинулся на спинку стула, и на его лице появилось выражение мрачного удовлетворения. – Это и есть умирающая магия. Защитные чары Гавани слабеют. Раскол подбирается все ближе. Добро пожаловать в Этерию, Носительница Эха. Надеюсь, тебе здесь понравится. Недолго.

Осознание обрушилось на Киру всей своей чудовищной тяжестью. Это была не галлюцинация. Не сон. Это была реальность. Безумная, жестокая, умирающая реальность, в которую ее зашвырнуло из ее тихого, упорядоченного мира. И этот человек, Дамиан, был не просто ее проводником. Он был ее тюремщиком, ее пророком и, возможно, ее единственным шансом на выживание.

Эта мысль была невыносимой.

Она должна была выбраться. Немедленно. Вернуться назад, к своим книгам, к своему столу, к своей понятной и безопасной жизни.

Она дождалась момента, когда Дамиан отвернулся, чтобы положить еще поленьев в камин, который он все-таки разжег. Его внимание было отвлечено. Она знала, что это, возможно, ее единственный шанс.

Бесшумно, как мышь, она поднялась с кресла. Ее сердце колотилось так громко, что казалось, он должен был его услышать. Она сделала один шаг назад, потом еще один, пятясь к двери. Дамиан не оборачивался.

Она нащупала ручку двери. Холодное железо. Она осторожно нажала. Дверь поддалась без скрипа. Еще мгновение – и она будет снаружи. Она сможет затеряться в этом городе на деревьях, найти другой путь, сбежать от него, от этого мира, от этой безумной роли, которую ей навязывали.

Она выскользнула за дверь и плотно прикрыла ее за собой. Ночь окутала ее. Она бросилась бежать, не разбирая дороги, по первому попавшемуся подвесному мосту. Ветер свистел в ушах, доски скрипели под ногами. Она бежала, подгоняемая отчаянием и адреналином.

Она пробежала один мост, второй, свернула на узкую тропинку, огибающую ствол дерева, и выскочила на небольшую пустую платформу. Тупик. Впереди была лишь темнота. Она обернулась, пытаясь сориентироваться, но все мосты и лестницы казались одинаковыми в полумраке. Она заблудилась.

И тут она услышала знакомое низкое гудение.

Оно доносилось снизу, из темноты под платформой. Кира замерла, похолодев. Она медленно подошла к краю и посмотрела вниз. Там, цепляясь за нижнюю часть платформы, висела та самая тварь. Ее фасеточные глаза уставились прямо на нее, светясь голодным, нечеловеческим разумом.

Кира отшатнулась, споткнулась и упала. Она поползла назад, к стене дерева, не в силах отвести взгляд от чудовища, которое медленно, с хитиновым скрежетом, начало перебираться через край платформы.

Она закричала.

В тот же миг между ней и тварью возникла темная фигура. Дамиан. Он появился из ниоткуда, словно сотканный из теней. В его руке не было оружия, но воздух вокруг него потрескивал от напряжения.

– Я же просил не двигаться, – его голос был спокоен, но в нем звучала смертельная угроза.

Тварь издала пронзительный стрекот и бросилась вперед. Дамиан просто вытянул руку. Из его ладони вырвался сгусток тьмы, который ударил монстра, заставив его зашипеть и попятиться. Но это лишь разъярило его. Он снова кинулся в атаку.

Дамиан не сдвинулся с места. Он что-то прошептал, и тени вокруг него ожили, сплетаясь в острые, как бритва, жгуты. Они хлестнули тварь, разрезая ее хитиновый панцирь. Чудовище взвыло от боли и, поджав лапы, рухнуло с платформы обратно в бездну.

Дамиан стоял еще несколько секунд, глядя вниз, а потом медленно обернулся к Кире. В его глазах горел холодный огонь.

Он подошел и рывком поднял ее на ноги.

– Ты поняла? – спросил он тихо, его лицо было в нескольких сантиметрах от ее. – Ты поняла, что это не игра? Что без меня ты здесь – просто мясо?

Кира молчала, дрожа всем телом. Она смотрела в его яростные глаза и понимала. Понимала, что он прав. Она не выживет здесь одна. Она была полностью, абсолютно в его власти.

Он отпустил ее, и она снова осела на доски. Дамиан отвернулся и посмотрел в сторону своего дома.

– Идем, – бросил он, не глядя на нее. – Урок окончен.

Она поднялась и, как побитая собака, поплелась за ним. Униженная, напуганная, но с одной новой, отчетливой мыслью в голове. Он спас ее. Зачем-то она была ему нужна. А это значило, что у нее все-таки был шанс. Не на спасение мира. А на то, чтобы выжить. И этого пока было достаточно.

Глава 3. Нити и шепот

Обратный путь по качающемуся мосту был пыткой иного рода. Страх никуда не делся – он засел глубоко в костях, превратившись в ледяной, вибрирующий стержень, – но теперь к нему примешивалось жгучее, едкое унижение. Кира шла за Дамианом, как пленница, как провинившийся ребенок, ведомый суровым взрослым. Каждый ее шаг был напоминанием о ее беспомощности, о той пронзительной секунде, когда она, парализованная ужасом, поняла, что ее жизнь зависит не от ее ума или воли, а от каприза этого мрачного, невыносимого человека.

Он не оборачивался, не предлагал помощи, не произносил ни слова ободрения. Он просто шел, и в его ровной, уверенной походке читалось неоспоримое превосходство. Он был частью этого мира, этого кошмара, в то время как она была лишь чужеродным элементом, хрупкой вещью, сломанной и выброшенной в чужую реальность. Тишина между ними была плотной и тяжелой, нарушаемая лишь скрипом досок и воем ветра, который теперь казался ей злорадным шепотом, обсуждающим ее позор.

Когда они наконец достигли его жилища, Кира чувствовала себя выжатой до последней капли. Дрожь в теле не прекращалась, а в голове стучал болезненный, монотонный пульс. Дамиан молча открыл дверь и вошел внутрь, оставив ее на пороге. Это был не жест вежливости, а скорее констатация факта: она войдет, потому что идти ей больше некуда.

Она переступила порог, и тепло от разожженного камина окутало ее, но не согрело. Огонь в очаге плясал, отбрасывая на стены живые, трепещущие тени, которые превращали странные артефакты на полках в зловещих, затаившихся существ. Дамиан стоял у стола спиной к ней, подливая что-то в глиняный кувшин. Его плечи были напряжены, силуэт казался высеченным из темного камня.

– Ты поняла? – спросил он, не оборачиваясь. Голос его был ровен, но в нем слышался отзвук той ледяной ярости, что она видела в его глазах на платформе.

Кира сглотнула. Что она должна была понять? Что она слаба? Что она в его власти? Что этот мир сожрет ее, если он позволит? Все это было очевидно.

– Поняла, – выдавила она, и слова прозвучали жалко даже для ее собственных ушей.

Он наконец повернулся. В руке он держал две кружки. Одну поставил на стол, другую оставил себе. Он окинул ее долгим, изучающим взглядом, и в его серых глазах не было ни капли сочувствия.

– Сомневаюсь. Твой страх – это страх животного перед хищником. Он инстинктивен и бесполезен. Ты не поняла главного. Ты не поняла правил.

Он сделал шаг к ней, и она невольно попятилась, пока не уперлась спиной в холодную деревянную дверь.

– Первое правило этого места, – произнес он тихо, почти интимно, но от этого его слова становились лишь страшнее, – не доверяй своим глазам. Второе правило: не доверяй своим ушам. И третье, самое важное, – он подался еще ближе, и Кира почувствовала запах озона, исходивший от его одежды, – никогда, ни на одно мгновение не считай, что ты в безопасности.

Его близость была удушающей. Она видела каждую деталь его лица: тонкий шрам у виска, едва заметную щетину на подбородке, темные вкрапления в серой радужке глаз. Он был не просто человеком. От него исходила сила, древняя и темная, как ущелье под мостом.

– Я не просила меня сюда приводить, – ее голос дрогнул, но она заставила себя продолжить, вкладывая в слова всю свою злость и отчаяние. – Я не просила о роли какой-то спасительницы и не собираюсь в нее играть! Верните меня обратно!

Уголок его рта снова искривился в той самой усмешке, которая выводила ее из себя.

– «Верните меня обратно», – передразнил он. – Ты думаешь, это так работает? Ты думаешь, ты можешь просто щелкнуть пальцами и вернуться в свой уютный, безопасный мирок? Это что-то очень древнее, Кира. Ты открыла дверь, которая была заперта веками. И теперь ты – часть этой реальности. Нравится тебе это или нет.

Он отошел от нее, давая ей возможность дышать. Он взял свою кружку и сделал большой глоток.

– Ты не первая, – сказал он, глядя в огонь. – За последние годы Раскол выплюнул нескольких. Ученый, солдат, поэт. Все они были так же растеряны, как и ты. И все они мертвы. Их убила не дикая магия. Их убило их собственное невежество. Они пытались применить законы своего мира здесь. Пытались найти логику, договориться, проявить силу. Но Этерия не подчиняется логике. Она подчиняется Узору.

– Узору? – ухватила она за незнакомое слово.

Дамиан поставил кружку и потерял виски, словно сама необходимость объяснять очевидные вещи причиняла ему физическую боль.

– Ты действительно ничего не знаешь. Как будто родилась вчера. Хорошо. Последний раз. Слушай внимательно, потому что повторять я не буду.

Он подошел к центру комнаты, где не было мебели, и поднял руку. Тени в углах сгустились, потянулись к нему, словно живые. Воздух в комнате стал плотнее, наэлектризовался. Кира почувствовала, как волосы на ее руках встают дыбом. Дамиан медленно опустил руку, и тени послушно собрались в его ладони, уплотняясь в маленький, абсолютно черный шар.

– Все, что ты видишь, – начал он, и его голос, казалось, шел отовсюду сразу, – все, что ты можешь потрогать, услышать или почувствовать – это лишь внешнее проявление. Поверхность. Гобелен. А под ним, в его основе, лежит Узор.

Он раскрыл ладонь. Черный шар не упал, а завис в воздухе, и из него во все стороны начали тянуться тончайшие, едва видимые нити света. Они переплетались, расходились и сходились вновь, создавая сложнейшую, бесконечную трехмерную паутину, которая заполнила всю комнату. Нити были разных цветов – серебряные, золотые, лазурные, изумрудные – и каждая вибрировала со своей собственной частотой, издавая тихий, гармоничный гул. Зрелище было завораживающим, гипнотическим. Кира смотрела, не в силах отвести взгляд. Она чувствовала эту гармонию всем своим существом. Это было правильно. Это было истинно.

– Это и есть Этерия, – сказал Дамиан. – Не земля, не небо, не деревья. А вот это. Бесконечное переплетение нитей судьбы, материи, времени и самой магии. Мы, те, кого здесь называют Ткачами, способны чувствовать эти нити. Слабые могут лишь ощущать их, как тепло или холод. Сильные... – он слегка шевельнул пальцами, и несколько золотых нитей послушно изогнулись, сплетаясь в светящуюся фигурку парящей птицы, – ...могут переплести их, меняя Узор. Меняя реальность.

Птичка вспорхнула с его ладони, облетела Киру по кругу, оставляя за собой золотистый шлейф, и растаяла в воздухе, распавшись на исходные нити.

– Но этот Узор, – продолжил Дамиан, и его голос помрачнел, – был поврежден.

Он резко сжал кулак. Гармоничный гул в комнате сменился резким, скрежещущим диссонансом. Часть световой паутины почернела. Нити в этом месте спутались в уродливый, дергающийся клубок, из которого во все стороны били багровые, больные всполохи. От этого зрелища у Киры заломило в висках. Ей было физически больно на это смотреть. Это было неправильно. Это была рана.

– Великий Раскол, – сказал Дамиан. – Дыра в ткани мира. И она растет. Она пожирает Узор, распуская его, превращая гармонию в хаос. Твари, которых она порождает, – это лишь симптомы. Настоящая болезнь – вот она.

Он указал на черный клубок, и Кира увидела, как от него отделилась тонкая, гни-лостно-багровая нить и потянулась к неповрежденной части Узора. Коснувшись серебряной нити, она заставила ее зашипеть и почернеть. Рана разрасталась на ее глазах.

– Рано или поздно она поглотит все, – закончил он и опустил руку. Иллюзия исчезла. Комната снова стала обычной, освещенной лишь огнем камина. Но теперь Кира знала, что скрывается за этой обыденностью. Она чувствовала отголоски того большого диссонанса глубоко внутри.

Она медленно подошла к столу и взяла свою кружку. Руки все еще дрожали.

– Но какое отношение ко всему этому имею я? И мой... медальон?

– Хранители Узора были не просто Ткачами. Они были архитекторами. Они не просто переплетали существующие нити, они могли создавать новые. Они были единственными, кто мог «лечить» Узор, восстанавливать его. Но их род прервался. Последняя из них... погибла много лет назад. Она была моим учителем.

Кира замерла с кружкой на полпути ко рту. Бабушка. Легенда о спасительнице из ее рода. Его учитель. Фрагменты головоломки начали складываться в пугающую картину.

– Твоя бабушка... – прошептала она.

– Я не знаю, кем она была в твоём мире, – отрезал Дамиан. – Здесь ее звали Лиандра. И она была последней. Она погибла, пытаясь сдержать Раскол. А ее Ключ, этот медальон, считался утерянным. До сегодняшнего дня.

Он подошел к ней и остановился так близко, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Этот медальон, Кира, – это не просто украшение. Это осколок самого первоначального Узора. Фокусирующая линза, которая позволяет своему носителю не просто касаться нитей, а вправлять их, соединять разорванные. Но только в руках того, в чьих жилах течет кровь Хранителей. В твоих руках.

Она бессознательно сжала медальон в кулаке. Он был холодным и тяжелым.

– Но я не умею! – выкрикнула она, и в ее голосе прозвучало отчаяние. – Я ничего не чувствую! Я не Ткач, не Хранитель, я просто... архивариус! Я храню старые книги, а не спасаю миры!

– Это мы сейчас проверим.

Прежде чем она успела среагировать, он накрыл ее кулак своей ладонью. Его рука была теплой и сильной.

– Прекрати думать, – приказал он. – Твой рациональный ум здесь – твой главный враг. Просто почувствуй. Почувствуй его. Это часть тебя.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Под его ладонью медальон начал теплеть. Сначала это было едва заметное тепло, но оно быстро нарастало, превращаясь в жар. Она попыталась разжать пальцы, но его рука держала крепко.

– Не борись с этим, – прошептал его голос у самого ее уха. – Впусти его.

И она впустила.

Ощущение было похоже на удар тока. Жар хлынул из медальона по ее руке, пронзая каждую клетку. Но это не была боль. Это была сила. Чистая, необузданная, первозданная. Перед ее внутренним взором снова возникла сияющая паутина Узора, но на этот раз она не была сторонним наблюдателем. Она была внутри. Она чувствовала каждую нить, каждую вибрацию, каждый оттенок. Она видела, как потоки энергии текут по золотым нитям, как серебряные нити времени изгибаются вокруг событий, как изумрудные нити жизни пульсируют в унисон с ее собственным сердцем.

И она почувствовала Раскол.

Это была не просто визуальная рана. Это была зияющая пустота, которая высасывала из Узора жизнь и гармонию. Она ощутила ее голод, ее бесконечную, неутолимую жажду разрушения. И эта пустота тянулась к ней, чувствовала ее, узнавала в ней врага.

Кира вскрикнула и отдернула руку, разрывая контакт. Видение исчезло. Она тяжело дышала, прислонившись к стене. Дамиан стоял напротив, внимательно наблюдая за ней.

– Теперь ты веришь? – спросил он.

Она не ответила. Она просто смотрела на свою руку. На ладони, там, где она сжимала медальон, остался слабый, светящийся отпечаток узора из переплетенных ветвей.

– Что... что мне теперь делать? – прошептала она. Вопрос был не ему. Он был обращен в пустоту, в ее разрушенную жизнь.

– Для начала, – сказал Дамиан, и его голос снова стал практичным и лишенным эмоций, – ты поешь и поспишь. А завтра мы начнем учиться. Тебе нужно научиться контролировать это, прежде чем оно убьет тебя или привлечет внимание тех, кто захочет убить тебя за это.

Он прошел в другую часть комнаты, скрытую за тяжелой занавесью, и вернулся с миской какой-то простой похлебки и куском хлеба.

– Ешь, – он поставил еду на маленький столик у ее кресла. – Тебе нужны силы.

Она посмотрела на еду, потом на него. Вся ее прежняя жизнь, все ее планы, страхи и надежды казались теперь такими далекими и незначительными. Она была в чужом, умирающем мире, с осколком творения на шее и с человеком, который был одновременно ее единственной надеждой и самым большим кошмаром.

– Зачем вы это делаете? – спросила она. – Зачем вы мне помогаете? Вы же сказали, что я – проблема.

Он долго молчал, глядя в огонь.

– Потому что Лиандра была моим учителем, – сказал он наконец, не глядя на нее. – И я дал ей обещание. Я обещал, что если Узор даст этому миру еще один шанс, я сделаю все, чтобы этот шанс не был упущен.

Он поднялся.

– Твоя комната там, – он кивнул на неприметную дверь в углу. – Там есть все необходимое. Не пытайся снова сбежать. За пределами этой долины ты не проживешь и дня.

Он развернулся и ушел к своему заваленному книгами столу, давая понять, что разговор окончен.

Кира осталась одна у камина. Она медленно взяла ложку и заставила себя съесть немного похлебки. Она была безвкусной, но горячей. Тепло начало понемногу возвращаться в ее остывшее тело.

Она посмотрела на свою ладонь. Светящийся отпечаток почти исчез. Она снова была просто Кирой. Но что-то внутри нее необратимо изменилось. Она больше не была просто жрицей прошлого, хранящей мертвые книги. Теперь она сама была частью древней истории, последней главой в книге, которую, как она думала, давно закрыли. И ей предстояло написать финал. Выбора у нее не было.

Глава 4. Первая искра

Сон был обманом, тонким, истлевшим покрывалом, брошенным на реальность, но не способным скрыть ее острые, зазубренные края. Кира проваливалась в него и тут же выныривала, подброшенная на волнах беспокойных видений: сияющая паутина нитей, уродливый черный клубок Раскола, холодные, как зимние звезды, глаза Дамиана. Она проснулась не отдохнувшей, а измотанной, словно всю ночь не спала, а вела изнурительную борьбу с призраками, чьи имена она только начинала узнавать.

Комната, в которую привел ее Дамиан, была такой же аскетичной и функциональной, как и он сам. Грубо отесанная деревянная кровать, покрытая толстым, колючим одеялом из какой-то серой шерсти. Небольшой стол и стул. Каменный умывальник в углу, над которым висел тусклый, искажающий отражение кусок отполированного металла. Единственным живым элементом были пучки сушеных трав, свисавшие с потолочных балок. Их пряный, горьковатый аромат пропитывал воздух, смешиваясь с запахом остывшего камня и дерева. Не было окон, лишь узкая щель под потолком, через которую пробивался слабый, безжизненный свет умирающего мира. Это было не убежище. Это была келья. Тюрьма.

Она села на кровати, обхватив колени руками. Тело все еще помнило унижительный паралич страха на мосту, жгучее прикосновение силы медальона, ледяное прикосновение чужой воли, когда Дамиан демонстрировал ей суть Узора. Он не просто объяснил. Он вломился в ее сознание, взломал ее восприятие мира и оставил после себя зияющую дыру, в которую теперь сквозил холод новой, невыносимой реальности.

Гнев, чистый и спасительный, начал медленно закипать в ее венах, вытесняя остатки страха. Кто он такой, этот Дамиан? Самозванный учитель? Тюремщик? Пророк гибнущего мира? Он обращался с ней не как с человеком, а как с вещью, с инструментом, который нужно было грубо обтесать и пустить в дело. Он говорил о спасении мира, но в его глазах не было ни капли сострадания, лишь застарелая горечь и стальная решимость. И его обещание... обещание, данное ее бабушке, Лиандре... Эта мысль причиняла почти физическую боль. Ее бабушка, теплая, пахнущая печеными яблоками и сухими травами, здесь, в этом мире, была могущественным магом, погибшим в битве с хаосом. А этот человек был ее учеником. Это не укладывалось в голову.

Дверь скрипнула, и в комнату вошел Дамиан. Он не постучал. Здесь, видимо, не было такого понятия, как личное пространство. В руках он нес деревянный поднос, на котором стояла миска с дымящейся кашей, кусок темного хлеба и кружка с уже знакомым травяным отваром.

– Ешь, – он поставил поднос на стол. Это был не вопрос и не предложение. Это был приказ.

Кира смерила его враждебным взглядом.

– Я не голодна.

– Я не спрашивал, голодна ли ты, – его голос был ровным, лишенным интонаций. – Я сказал: ешь. Сегодня тебе понадобятся силы.

– Для чего? – язвительно спросила она. – Для очередной лекции по метафизике с наглядными пособиями?

Он проигнорировал ее сарказм.

– Для того, чтобы выжить. Обучение начнется через час.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Я хочу домой! – выкрикнула она ему в спину. Слова прозвучали как отчаянная мольба, и она тут же возненавидела себя за эту слабость.

Он остановился на пороге, но не обернулся.

– «Дома» больше нет, – сказал он тихо, но каждое слово било, как молот. – Твой мир и этот мир теперь связаны через тебя. Ты – мост. И пока ты здесь, дверь остается приоткрытой. Ты думаешь, Раскол – это единственная опасность? Есть сущности по ту сторону Узора, которые веками ждали такой возможности. Если они прорвутся сюда, они не остановятся. Они пойдут дальше, по мосту, который ты создала. В твой мир. Так что забудь о своем «доме». Теперь твой дом – это война. А теперь ешь.

Дверь за ним закрылась, оставив Киру в звенящей тишине, наедине с его страшными словами. Мост. Она – мост. Эта мысль была еще ужаснее, чем роль спасительницы. Она не просто заложница этого мира, она – угроза для своего собственного. Каждая минута ее пребы-

вания здесь подвергала опасности все, что она знала и любила. Аркадия Петровича, ее тихий Архив, даже тот суетливый, шумный город, от которого она всегда пыталась отгородиться.

Гнев сменился холодным, кристальным решением. Она сбежит. Не потому, что боится его уроков. А потому, что должна. Она не знала, как это работает, но инстинкт подсказывал: если она умрет здесь, связь прервется. Мост рухнет. Это был единственный выход, который она видела. Ужасный, отчаянный, но единственный.

Она заставила себя поесть. Каша, густая и серая на вид, оказалась на удивление сытной, с ореховым привкусом. Хлеб был плотным и чуть кисловатым. Она ела, механически двигая челюстями, а в голове уже зрел план. План был прост до гениальности или до идиотизма, она еще не решила. Она пойдет на его урок. Она сделает вид, что покорилась. И она будет ждать. Ждать шанса, чтобы ударить и бежать.

Когда с едой было покончено, ее настигла другая, более приземленная проблема. Она провела в одной и той же одежде больше суток, пересекла грязный лес и испытала смертельный ужас. Ей отчаянно хотелось вымыться, смыть с себя липкий слой страха и грязи этого мира. Она вышла из комнаты. Дамиан сидел за своим столом, склонившись над старой картой, и, казалось, не заметил ее.

– Где здесь можно... умыться? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал как можно более нейтрально.

Он поднял голову. Его взгляд был отсутствующим, словно он все еще находился в мире своих карт и свитков.

– За домом есть тропа, ведущая вниз. Она приведет к гроту с родником. Вода холодная, но чистая. Только не заходи слишком глубоко. Течение сильное.

Он снова уткнулся в карту, давая понять, что аудиенция окончена.

Кира нашла тропу. Она была узкой и крутой, петляющей между гигантскими корнями деревьев, похожими на окаменевших змей. Спустившись, она оказалась в небольшом, укрытом от посторонних глаз гроте. Свод был образован сплетением тех же корней, а стены покрывал светящийся мох, который заливал все вокруг мягким, изумрудным сиянием. Из расщелины в скале бил родник, образуя небольшую, кристально чистую заводь. Вода была настолько прозрачной, что каждый камушек на дне казался драгоценным.

Это место было невероятно красивым и умиротворяющим. Впервые с момента своего прибытия Кира почувствовала что-то похожее на покой. Она быстро разделась и шагнула в воду. Та оказалась ледяной, обжигающей, но это было именно то, что нужно. Холод прояснил мысли, смывая остатки сонного тумана и паники. Она погрузилась с головой, чувствуя, как вода уносит с собой усталость и грязь.

Выбравшись на берег, она вытерлась своим же свитером и оделась. Чувствовала она себя лучше, свежее. Но уязвимее. Здесь, в этой тихой заводь, она была одна, безоружна. Она огляделась. Повсюду были тени. Ей показалось, что из-за одного из корней на нее смотрит пара глаз. Она вздрогнула, но это был лишь обман света. Слова Дамиана – «никогда не считай, что ты в безопасности» – эхом отдавались в ее голове.

Вернувшись, она увидела, что Дамиан ждет ее у входа в дом.

– Готова? – спросил он.

– Куда мы идем? – ответила она вопросом на вопрос.

– Туда, где ты начнешь платить за свое пребывание здесь. Следуй за мной. И постарайся не отставать.

Он повел ее по другой тропе, вглубь долины. Здесь она впервые увидела других людей. Это было не поселение, а скорее небольшой лагерь, состоящий из нескольких десятков человек. Мужчины и женщины с обветренными, серьезными лицами. Они были заняты своими делами: кто-то чинил кожаную сбрую, кто-то точил ножи, женщина с длинной седой косой перебирала

травы, раскладывая их на большом куске ткани. Все они были вооружены. У всех на поясе висели ножи или короткие мечи.

При их приближении разговоры стихли. Все взгляды обратились на них, точнее, на Киру. Во взглядах читались настороженность, недоверие и неприкрытое любопытство. Одна маленькая девочка, лет пяти, высунулась из-за спины матери и с испугом посмотрела на Киру. Мать тут же притянула ее к себе, что-то шепнув на ухо.

Кира почувствовала себя экспонатом в музее. Чужаком. Врагом. Она поняла, что Тихая Гавань – это не просто убежище. Это крепость. А эти люди – ее гарнизон. А Дамиан – их командир.

– Это отступники, – сказал Дамиан тихо, словно прочитав ее мысли. – Те, кто отказался подчиняться Конклаву. Солдаты, Ткачи, охотники. Здесь они в безопасности. Но они не доверяют чужакам. Особенно тем, кто появляется из ниоткуда. Так что веди себя тихо и не привлекай внимания.

Они прошли мимо лагеря и углубились в странную рощу. Из земли здесь торчали сотни острых, обсидиановых пиков, высотой от нескольких сантиметров до двух-трех метров. Они росли, как зловещие, неорганические растения, и между ними приходилось лавировать с большой осторожностью. За рощей журчал ручей. Вода в нем была кристально чистой, но дно устилала не обычные камни, а гладкие, переливающиеся всеми цветами радуги кристаллы, которые и придавали воде ее обжигающий холод.

Дамиан сидел на большом валуне у самой воды, когда она подошла.

– Сними обувь и зайди в воду.

– Зачем?

– Вода – лучший проводник. Она смоет ментальный шум и поможет тебе сосредоточиться. Зайди по щиколотку. И закрой глаза.

Кира колебалась. Это было похоже на очередное унижение. Но в его взгляде была та же стальная непреклонность, что и раньше. Спорить было бесполезно. Она стянула свои городские ботинки, которые уже были безнадежно испорчены, и носки. Коснуться босой ногой светящегося мха было странно – он был теплым и слегка пружинил. Вода в ручье оказалась ледяной, обжигающей. Она зашипела, зайдя по щиколотку, и сжала кулаки, чтобы не выскочить обратно.

– Закрой глаза, – повторил Дамиан. – И дыши. Медленно. Перестань думать о холоде, о своих страхах, о своем желании ударить меня камнем по голове и сбежать.

Кира вздрогнула. Он что, читает ее мысли?

– Я не читаю мысли, – ответил он на ее незаданный вопрос. – Я читаю Узор. Твои эмоции в нем кричат громче, чем раненый грифон. Ты – открытая книга, написанная корявым, детским почерком. А теперь замолчи. Внутри и снаружи. И слушай. Не ушами. Слушай всем своим существом.

Она заставила себя подчиниться. Сделала глубокий вдох, потом еще один. Ледяная вода сковывала ноги, но постепенно боль начала отступать, сменяясь онемением. Она сосредоточилась на звуке ручья, на шелесте листьев, на тихом звоне стеклянных цветов. Постепенно внешние звуки начали сливаться в единый, монотонный гул.

И тогда она услышала это.

Это было похоже на музыку, но без мелодии. На шепот, но без слов. Это была вибрация, гармония, исходившая от всего вокруг. Она чувствовала, как пульсирует жизнь в корнях гигантских деревьев, как медленно течет энергия по кристаллам на дне ручья, как переплетаются судьбы крошечных насекомых, живущих во мху. Это был Узор. Она чувствовала его. Не так ярко, как когда держала медальон, но она его чувствовала. Это было невероятно. Это было прекрасно.

– Хорошо, – голос Дамиана ворвался в ее сознание, разрушая хрупкую гармонию. – Теперь открой глаза. Видишь нити?

Она открыла глаза. Мир был прежним. Никаких сияющих нитей, никакой паутины света.

– Нет, – разочарованно сказала она.

– Разумеется, нет, – в его голосе прозвучало знакомое раздражение. – Ты ожидала, что за пять минут станешь великим Ткачом? Ты сделала первый шаг. Ты услышала шепот. Чтобы увидеть нити, нужны годы тренировок. У нас нет годов. У нас, возможно, нет и нескольких недель. Поэтому мы пойдем другим путем.

Он поднялся и подошел к ней. В руке он держал тонкий, острый нож. Сердце Киры ухнуло в пятки.

– Что вы собираетесь делать?

– Открывать тебе глаза, – он схватил ее за руку. Его хватка была железной.

– Не надо! – закричала она, пытаясь вырваться.

– Не двигайся, идиотка! – рявкнул он. – Я не собираюсь тебя убивать. Пока.

Он сделал неглубокий, но длинный порез на ее ладони. Кровь тут же выступила, окрашивая ледяную воду ручья в багровый цвет.

– Теперь смотри! – приказал он. – Смотри на свою кровь!

Она заставила себя посмотреть. И то, что она увидела, заставило ее забыть о боли. Каждая капля ее крови, растворяясь в воде, распадалась не просто на красное облачко. Она распадалась на мириады тончайших, пульсирующих алым светом нитей. Ее кровь была частью Узора. Она была Узором.

– Наша кровь, кровь Ткачей, – сказал Дамиан уже спокойнее, – это жидкая магия. Прямая связь с Узором. Теперь ты видишь.

Он отпустил ее руку, и порез на ее ладони начал затягиваться на глазах, оставляя лишь тонкую розовую полоску.

– Что это?..

– Простейшее целительное плетение. Ты потеряла сознание. Я исцелил тебя. Ты поранилась. Я исцелил тебя. Я твой учитель, а не палач. Хотя иногда ты заставляешь меня об этом жалеть.

Он отошел и снова сел на камень.

– Мы будем делать это каждый день. Ты будешь учиться видеть. Учиться тянуть за нити. Учиться сплести их. И если ты еще раз попытаешься сбежать... – он не закончил, но в его голосе прозвучала угроза, которая была страшнее любых слов.

В этот момент Кира поняла, что ее план побега был наивен. Она не могла от него уйти. Он был связан с ней не только своим обещанием, но и самой сутью этого мира. Но мысль о побеге не исчезла. Она просто трансформировалась. Теперь она знала: чтобы сбежать, ей нужно стать сильнее. Сильнее, чем он.

Она вышла из воды, чувствуя, как понемногу возвращается жизнь в ее онемевшие ноги. Она села на мох напротив него, подражая его позе.

– Хорошо, – сказала она, глядя ему прямо в глаза. – Учите.

Их взгляды встретились. Это был поединок воле. И Кира знала, что этот раунд она проиграла. Но война только начиналась.

В течение следующей недели ее жизнь превратилась в монотонный, изнурительный кошмар. Каждый день начинался с ледяной воды ручья и пореза на ладони. Каждый день она часами сидела, закрыв глаза, пытаясь пробиться сквозь пелену обыденного восприятия и снова увидеть сияющую паутину Узора. Каждый день Дамиан стоял или сидел рядом, молчаливый и непреклонный, как скала.

Он был ужасным учителем. Он не объяснял. Он приказывал. «Тяни!», «Плети!», «Сконцентрируйся!». Его редкие комментарии были полны сарказма и критики. «Твое плетение похоже на узел, который завязал пьяный матрос», «Ты тянешь нить судьбы так, будто пыта-

ешься выдрать морковку из промерзшей земли», «Если бы концентрация была водой, ты бы умерла от жажды в центре океана».

Каждый вечер она возвращалась в свою келью, опустошенная и злая, и засыпала мертвым сном. Но постепенно, очень медленно, что-то начало меняться. Она научилась входить в состояние транса быстрее. Она начала различать отдельные «голоса» в общей музыке Узора – эхо камня, эхо дерева, эхо воды. Однажды, после очередного пореза, она смогла удержать видение нитей на несколько секунд, даже когда кровь перестала течь.

Дамиан никак это не прокомментировал, но она заметила, как на долю секунды в его глазах промелькнуло что-то похожее на удивление. Эта мимолетная победа придала ей сил.

Но вместе с силой росло и беспокойство. Чем глубже она погружалась в Узор, тем острее она чувствовала Раскол. Его больной, диссонирующий гул стал постоянным фоном ее существования. Иногда по ночам ей снились кошмары, в которых черная, голодная пустота тянулась к ней, шепча ее имя.

План побега все еще жил в ее сердце, но теперь он казался более сложным. Она не могла просто убежать. Она была связана с этим миром. Слова Дамиана о «мосте» не выходили у нее из головы. Что, если он был прав? Что, если ее побег или смерть действительно откроют дорогу чему-то ужасному в ее собственный мир?

Она была в ловушке. В ловушке между двумя мирами, между долгом, которого она не выбирала, и свободой, которая могла стоить слишком дорого.

На седьмой день Дамиан привел ее не к ручью, а вглубь рощи каменных шипов. В центре, на небольшой поляне, лежал большой, плоский камень, испещренный рунами.

– Сегодня ты будешь не просто смотреть, – сказал он. – Ты будешь делать.

Он бросил на камень сухой лист.

– Сожги его.

– Что? Но я не...

– Ты Хранительница Узора. Твоя кровь – это чистая магия. Ты можешь все. Ты просто не знаешь, как. Перестань думать, что ты не можешь. Найди нить огня в Узоре. Она здесь, повсюду, дремлет в камнях, в воздухе. Потяни за нее и направь в лист.

Кира закрыла глаза. Она сосредоточилась, погружаясь в знакомое состояние. Она услышала музыку Узора. Она начала искать в ней нужную ноту – резкую, горячую, яростную. И она нашла ее. Тончайшая, вибрирующая, оранжево-красная нить. Она мысленно потянулась к ней...

И ничего не произошло.

– Ты пытаешься схватить ее, – голос Дамиана был спокоен. – Не надо хватать. Стань ею. Почувствуй ее жар, ее ярость. Позволь ей течь сквозь тебя.

Она попробовала снова. Она представила себе пламя, пожирающее дом ее детства. Ярость, боль, отчаяние. Она впустила эти чувства в себя, давая им волю. И в этот раз, когда она коснулась нити огня, она почувствовала ответ. Горячая волна прошла по ее телу.

Она открыла глаза. Лист на камне дымился. А потом вспыхнул и за секунду обратился в пепел.

Она сделала это.

Она подняла на Дамиана восторженный, недоверчивый взгляд. Но он не выглядел впечатленным.

– Неплохо для начала, – сказал он. – Ты сожгла лист. Теперь потуши камень.

– Но как? – ее голос сорвался. – Он же... он просто камень.

– Ты направила в него энергию огня, – терпеливо, почти без сарказма, объяснил он. – Он раскален. Если бы ты могла видеть Узор, ты бы увидела, что он сейчас гудит от этой силы. Теперь найди другую нить. Нить воды. Покоя. Холода. И сделай то же самое.

И она поняла. Огонь и вода. Созидание и разрушение. Ярость и покой. Все это было частью единого Узора. И она, возможно, однажды научится управлять ими всеми.

Именно в этот момент, глядя на тлеющий пепел на раскаленном камне, она поняла, что ее план побега мертв. Она не могла больше бежать. Не от этого мира. И не от себя. Что-то пробудилось в ней, что-то древнее и могущественное. И это пугало ее больше, чем любой монстр из ущелья. Но впервые за долгое время это был не страх беспомощности. Это был страх силы. Ее собственной.

Глава 5. Уроки недоверия

Пробуждение было похоже на медленное всплытие из темных, вязких вод. Кира не просто открыла глаза – она вернулась в свое тело, ощутив его ноющую усталость, холод камня, проникающий сквозь тонкое одеяло, и горьковатый привкус трав во рту. Первая мысль была о провале. Она не смогла сбежать. Вторая – о маленькой, упрямой победе. Она сожгла лист. Она остудила камень. Что-то сдвинулось с мертвой точки. Впервые за все это время она не просто реагировала на мир – она на него воздействовала.

Это крошечное зерно гордости было единственным, что согревало ее в промозглой тишине кельи. Она села, ежась от холода. Ее одежда, единственная, что у нее была, все еще хранила влажную прохладу ручья и запах сырой земли. Джинсы стали жесткими, а свитер казался тяжелым и чужим. Она посмотрела на свои руки – на одной виднелась тонкая розовая полоска от вчерашнего пореза, на другой – сеть мелких царапин от падения в лесу. Это была карта ее новой жизни, нанесенная прямо на кожу.

Дверь, как обычно, открылась без стука. Вошел Дамиан, неся поднос. Сегодня на нем, помимо привычной миски с кашей и кружки, лежал еще небольшой, туго свернутый сверток из серой ткани.

– Завтрак, – бросил он, ставя поднос на стол. Его взгляд скользнул по ней, задержавшись на ее влажной, помятой одежде. В серых глазах мелькнуло что-то похожее на брезгливость, но он ничего не сказал.

Кира молча принялась за еду. Она научилась не задавать лишних вопросов. Каждый вопрос был слабостью, каждой эмоцией он мог воспользоваться против нее. Она ела, а он стоял у двери, скрестив руки на груди, и наблюдал. Его присутствие было физически ощутимым, как давление, как постоянная угроза. Он не просто ждал, он изучал. Каждый ее жест, каждый взгляд. Она чувствовала себя насекомым под микроскопом.

– Откуда вы берете еду? – спросила она, нарушая тишину. Вопрос был продиктован не только любопытством, но и желанием перехватить инициативу, заставить его говорить о бытовых, понятных вещах, а не о судьбах мира.

Он, казалось, был удивлен вопросом.

– Мы не «берем» еду. Мы ее добываем. То, что может вырасти в этой долине – растет. То, что можно добыть на охоте в менее искаженных лесах – добывается. Остальное – вымениваем. Не все в Этерии подчиняются Конклаву. Есть вольные поселения, есть бродячие торговцы. Жизнь находит лазейки.

Он говорил об этом так просто, но за его словами Кира увидела целую картину мира, о котором ничего не знала. Мира, где выживание было ежедневным трудом, а не данностью.

– Закончила? – спросил он, когда она поставила пустую миску.

Она кивнула.

– Хорошо. Это тебе.

Он подошел и бросил на кровать сверток, который принес.

– Что это?

– Называй это униформой. Твоя одежда непрактична, привлекает лишнее внимание и, откровенно говоря, уже начала дурно пахнуть.

Кира вспыхнула. Укол был точным и болезненным. Она посмотрела на свой любимый кашемировый свитер, на удобные джинсы. Это была ее последняя связь с домом, с ее прежней жизнью. И он только что растоптал ее.

– Спасибо за заботу, – процедила она сквозь зубы.

– Это не забота. Это здравый смысл. Здесь ты будешь учиться, а не участвовать в показе мод из другого мира. Переодевайся. Через полчаса я зайду.

Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Кира развернула сверток. Внутри лежала одежда. Простая, но добротная. Штаны из плотной, темно-зеленой ткани, похожей на замшу, мягкие, но прочные. Рубаха из неотбеленного льна, свободная и удобная. И длинная куртка из темной кожи, без подкладки, но удивительно мягкая на ощупь. К одежде прилагались и высокие ботинки на толстой, рифленой подошве.

Она стянула с себя влажные джинсы и свитер. На мгновение она замерла, оставшись в одном белье в холодной, чужой комнате. Чувство уязвимости было почти невыносимым. Она быстро натянула новую одежду. Штаны сели идеально, плотно облекая бедра, но не стесняя движений. Рубаха была немного велика, но приятна к телу. Ботинки оказались точно впору, надежно фиксируя голеностоп.

Она подошла к отполированному металлическому листу на стене. Из тусклой поверхности на нее смотрела незнакомка. Темные волосы растрепаны, лицо бледное, с темными кругами под глазами. Но одежда... одежда меняла все. Она больше не была похожа на растерянную городскую девушку, случайно попавшую в беду. Теперь в ее облике было что-то дикое, первобытное. Она выглядела так, словно принадлежала этому миру. И эта мысль пугала ее до глубины души.

Когда Дамиан вошел, она уже сидела на кровати, зашнуровывая ботинки. Он окинул ее быстрым, оценивающим взглядом.

– Лучше, – коротко бросил он. – По крайней мере, не замерзнешь и не переломаешь ноги в первой же расщелине.

Он не сказал, что новая одежда ей идет. Не сказал, что она подчеркивает ее фигуру куда лучше мешковатого свитера, делая ее стройнее и опаснее. Но Кира увидела это в его глазах – мимолетное, почти незаметное изменение во взгляде, прежде чем он снова надел свою привычную маску безразличия. Это была крошечная трещинка в его броне, и она с каким-то мстительным удовлетворением отметила ее про себя.

– Прежде чем мы начнем, – сказала она, решив, что пора задать вопрос, который мучил ее с самого начала, – у меня есть вопрос.

– Слушаю.

– Почему я вас понимаю? И почему вы понимаете меня? Мы из разных миров. Мы не должны говорить на одном языке.

Дамиан посмотрел на нее так, будто она спросила нечто невероятно очевидное.

– Потому что мы и не говорим на одном языке. Твои голосовые связки производят один набор звуков, мои – совершенно другой. Но Узор, Кира, – это не только нити материи и судьбы. Это и нити смысла. Концепций. Идей. Когда ты говоришь, твое намерение, твоя мысль, вплетается в Узор. А я, как Ткач, воспринимаю не звук, а саму эту нить смысла. И мой ответ ты воспринимаешь так же. Твой мозг просто облекает полученный смысл в привычную для тебя звуковую форму. Ты становишься чувствительной к Узору, поэтому начинаешь «понимать». Это основа всей магии общения.

Объяснение было настолько же логичным, насколько и безумным. Она не переводила, она... чувствовала. Это открывало пугающие перспективы. Что еще она могла почувствовать, если бы знала, как слушать?

– А другие? Те люди в лагере?

– Большинство из них в той или иной степени Ткачи. Не такие сильные, как я, но достаточно, чтобы понимать общую речь. Для остальных существуют артефакты-переводчики. Но это грубый инструмент. Он передает слова, но не смысл. Теперь идем. Сегодня мы пойдем на Торжище.

– На рынок? – удивилась Кира.

– Это не рынок. Это место обмена. Раз в неделю сюда приходят те, кто живет в Гавани, и несколько проверенных торговцев извне. Нам нужны кое-какие припасы. И тебе нужно увидеть больше, чем только камни и деревья. Тебе нужно увидеть людей. И научиться их «слушать», как ты только что научилась слушать меня.

Они вышли из дома. Утро в долине было наполнено жизнью. Воздух был свежим и прохладным, пахнувшим влажной землей и смолой. Сквозь густую листву исполинских деревьев пробивались столпы света, в которых кружились золотистые пылинки. Люди уже были на ногах. По подвесным мостам двигались фигуры, неся корзины, инструменты, вязанки дров. Кира увидела ту самую женщину с седой косой. Она сидела у входа в свой дом-дупло и перетирала что-то в большой каменной ступке.

Когда они проходили мимо, женщина подняла на них глаза. Ее лицо было покрыто сетью глубоких морщин, но глаза были ясными и пронзительными, цвета весенней листвы.

– Дамиан, – кивнула она. Ее голос был скрипучим, как старое дерево.

– Элара, – ответил он с неожиданной теплотой в голосе, которой Кира от него еще не слышала. Он остановился. – Это Кира.

Старуха перевела свой взгляд на Киру. Это был не просто взгляд, это было сканирование. Кира почувствовала, как по ней пробежала дрожь, словно невидимые пальцы коснулись ее сознания.

– Дитя Раскола, – прошептала Элара. – И дитя Узора одновременно. Странная судьба. В твоих глазах я вижу шторм, девочка. Берегись, чтобы он не поглотил тебя.

Она снова вернулась к своей ступке, давая понять, что разговор окончен.

– Что она имела в виду? – спросила Кира, когда они отошли на безопасное расстояние.

– Элара видит больше, чем остальные. Она видит отголоски судеб, трещины в душах. Считай ее слова предостережением.

Торжище располагалось на самой большой и широкой платформе, построенной вокруг ствола старейшего дерева. Это было сердце Тихой Гавани. Место было шумным и многолюдным. Люди раскладывали свои товары прямо на толстых кусках ткани или на импровизированных прилавках. Чего здесь только не было. Охотник с суровым, обветренным лицом выложил связки вяленого мяса и шкуры странных животных с сероватым мехом. Рядом торговец, прибывший извне, предлагал металлические инструменты – ножи, наконечники для стрел, рыболовные крючки. Женщина в ярком платке продавала глиняную посуду. Кто-то предлагал светящиеся грибы, которые, по словам продавца, могли освещать комнату целую неделю.

Дамиан уверенно шел сквозь толпу, кивая знакомым. Он обменял несколько высушенных корней, которые достал из своей сумки, на мешочек с солью и несколько брусков твердого, похожего на воск мыла у торговца инструментами. Кира шла за ним, стараясь не отставать и жадно впитывая все вокруг. Она чувствовала себя Алисой в Стране чудес, но чудеса эти были суровыми и практичными.

– Стой здесь, – сказал Дамиан, остановившись у прилавка с тканями. – Мне нужно поговорить с Ротом.

Он кивнул в сторону высокого, широкоплечего мужчины в кожаном доспехе, который стоял, прислонившись к стволу дерева, и зорко оглядывал толпу. Это, очевидно, был начальник местной стражи.

Оставшись одна, Кира почувствовала себя неудобно. Она подошла к прилавку, где торговец-коротышка с хитрыми глазками-бусинками расхваливал свой товар – разноцветные кристаллы, которые, по его словам, отгоняли ночных тварей.

– Лучшая защита, госпожа! – затараторил он, заметив ее интерес. – Один такой кристалл у входа, и ни один ползучий гад не сунется! Чистейшая работа, гарантия на три луны! Для такой красивой госпожи – особая цена!

Кира взяла в руки один из кристаллов. Он был теплым и слегка вибрировал. Она попыталась прислушаться к нему так, как учил Дамиан. Она закрыла глаза и сосредоточилась. Сначала – ничего. А потом... она почувствовала это. Тонкую, едва заметную нить лжи. Она исходила от торговца. Это была не просто интуиция. Это было знание. Она видела, как серая, скользкая нить его намерения тянется от него к ней, пытаясь опутать, убедить. А сам кристалл... он был почти мертв. Нити энергии в нем были тусклыми и рваными.

Она открыла глаза.

– Он не проработает и трех дней, – сказала она спокойно, кладя кристалл на место. – Он почти исчерпал себя.

Торговец опешил. Его хитрая улыбка сползла с лица.

– Да что вы понимаете, госпожа...

– Я понимаю, что вы пытаетесь продать мне бесполезный камень, – ее голос был тверд. –

И мне это не нравится.

В этот момент рядом возник Дамиан. Он положил руку ей на плечо.

– Проблемы? – спросил он тихо.

– Никаких, – ответила она, не сводя взгляда с торговца. – Мы как раз закончили.

Коротышка что-то пробормотал себе под нос и поспешил отвернуться к другому покупателю.

Дамиан повел ее прочь от Торжища.

– Что это было? – спросил он, когда они снова оказались на уединенной тропе.

– Он лгал. Я... почувствовала это.

Дамиан остановился и посмотрел на нее. Впервые за все время в его взгляде не было ни иронии, ни раздражения. Там было чистое, неподдельное удивление.

– Ты почувствовала ложь? Как?

– Как... фальшивую ноту. Как грязную, неправильную нить в Узоре.

Он долго молчал, изучая ее лицо.

– Это... очень редкий дар. Даже среди сильных Ткачей. Лиандра могла так делать. Она называла это «слышать правду».

Он отвернулся и пошел дальше, но его молчание было иным. Более глубоким. Задумчивым. Кира чувствовала, что только что пересекла какой-то невидимый рубеж. Она не просто ученица. Она – наследница. И это меняло все.

Их настоящее занятие проходило на высокой, продуваемой всеми ветрами платформе на самом краю долины. Отсюда открывался головокружительный вид на ущелье и на большой, истерзанный мир за его пределами. В центре платформы стояли три древних, поросших мхом менгира, образуя небольшой треугольник.

– Это место силы, – сказал Дамиан. – Здесь нити Узора сходятся близко к поверхности. Здесь легче учиться.

Сегодня урок был другим. Он не заставлял ее резать руку.

– Ты научилась чувствовать. Теперь учишь управлять. Магия – это воля, облеченная в намерение. Узор – лишь инструмент. Ткач – это тот, кто придает своей воле форму.

Он встал позади нее. Так близко, что она чувствовала тепло его тела. Это было не угрожающе, а... отвлекающе. Ее кожа покрылась мурашками.

– Протяни руки, – приказал он. Его голос был ровным, но она уловила в нем едва заметную хрипотцу.

Она послушалась. Он положил свои ладони поверх ее, направляя их в центр треугольника, образованного камнями. Его прикосновение было легким, но от него по ее рукам пробежала дрожь, как от электрического разряда.

– Сейчас я покажу тебе, как тянуть нить, – прошептал он ей на ухо. Его дыхание опалило кожу. – Не пытайся повторить. Просто почувствуй. Запомни это ощущение.

Он медленно выдохнул, и Кира почувствовала, как через него, через его руки в ее, потекла сила. Это была не ее собственная, неуверенная попытка коснуться Узора. Это была мощь, отточенная годами, уверенная и несокрушимая. Воздух в центре треугольника начал уплотняться, мерцать. Из ничего начали сплетаться серебристые нити, образуя светящийся, пульсирующий шар.

Кира смотрела, затаив дыхание. Она чувствовала каждое его движение, каждое усилие его воли, как свое собственное. Он не просто создавал магию. Он делился с ней самим процессом, позволяя ей заглянуть в самую суть своего дара. Это было невероятно интимно. Гораздо интимнее любого поцелуя или объятия. Он обнажал перед ней свою душу.

И в этот момент, когда их воля и их магия были соединены, она почувствовала это. Под слоем его железного контроля, под броней сарказма и холода, она нащупала тонкую, вибрирующую нить застарелой, неутраченной боли. Это было как трещина в монолитной скале. Глубокая, темная, полная горечи и вины.

Она не знала, что это было, не видела образов. Но она почувствовала его боль так же ясно, как свою собственную.

В тот же миг его контроль дрогнул. Шар света в центре камней замерцал и погас. Дамиан резко отстранился от нее, словно обжегшись. Он сделал шаг назад, его лицо снова стало непроницаемой маской, но она успела увидеть. В его глазах на долю секунды отразилась бездна такой муки, что у нее перехватило дыхание.

– Урок окончен, – его голос был резок и холоден, как никогда. – Возвращайся в дом.

Он развернулся и быстро пошел прочь, оставив ее одну на ветреной платформе, дрожащую не от холода, а от того, что она только что увидела.

Она прикоснулась к своим рукам, которые все еще хранили тепло его ладоней. Она не знала, что за демон терзает его душу, но теперь она знала, что он там есть. Этот непобедимый, всемогущий Ткач был сломлен. Так же, как и она.

Она медленно побрела обратно. Мир вокруг казался иным. Более сложным. Более трагичным. И менее чужим.

Вечером, сидя в своей келье, она рассматривала новую одежду, которую он ей дал. Гладкая кожа куртки, мягкий лен рубахи. Это были просто вещи. Но теперь она знала, что за ними стоит нечто большее, чем просто практичность. Он заботился о ней. По-своему, грубо, неохотно, но заботился.

Она легла на жесткую кровать, но впервые за долгое время не чувствовала себя пленницей. Что-то изменилось в динамике их отношений. Она увидела его слабость. А он, возможно, впервые увидел ее силу. Это был не мир. Это было начало новой, куда более сложной и опасной игры. И Кира, к своему собственному ужасу, поняла, что ей не терпится сделать следующий ход.

Отступление. Дамиан: Эхо в Тишине

Тишина в моей долине – это щит. Она соткана из древних иллюзий и забытых плетений, она скрывает меня от жадных глаз Конклава и от вечно голодного шепота Раскола. Годами эта тишина была моим единственным собеседником, моим наказанием и моим убежищем.

Я научился читать ее оттенки, как ученый читает редкий манускрипт: тишина перед бурей, тишина после охоты, тишина, наполненная скорбью павших деревьев.

Но в тот день тишина была иной. Она была разорвана.

Я был в Разрушенном Пределе, на самой границе своих защитных чар, когда это случилось. Я хожу туда регулярно, это часть моей епитимьи. Я смотрю в лицо своей ошибки, в зияющую рану на теле мира, и вспоминаю цену самонадеянности. Я отслеживал аномалии, мелкие искажения Узора, которые, как гной, сочатся из Раскола. Обычно это были просто всплески дикой магии, иногда – появление искаженных тварей. Но в тот день Узор не просто исказился. Он взвыл от боли.

Это было похоже на звук рвущейся ткани, но усиленный в тысячу раз, звук, который ощущаешь не ушами, а костями. Я почувствовал, как чужеродная нить, сотканная из незнакомой мне материи, пронзила барьер между мирами и грубо вплелась в нашу реальность. Это был не тонкий прокол, не случайная утечка. Это был прорыв. Грубый, насильственный, оставивший после себя кровоточащую рану в Узоре.

Моей первой мыслью была ярость. Еще один. Еще один «попаданец», как их называла Лиандра, выброшенный в наш мир умирать. За последние годы их было трое. Каждый из них был криком в тишине, аномалией, которую я был обязан устранить. Не убить – я не палач, – но изолировать, сдерживать, пока мир сам не отторгнет их, как занозу. Они не выдерживали долго. Реальность Этерии, ее магия, ее боль – все это было ядом для тех, кто рожден под другим небом. Они сходили с ума, их тела распадались, их души истончались и растворялись в эхе Раскола. Я находил их останки, пепел и сожаление, и укреплял барьеры, проклиная тот день, когда Узор дал слабину.

Я пошел на источник возмущения, готовый увидеть очередного сломленного бедолагу, мечущегося в агонии. Но я увидел ее.

Она стояла посреди мертвого леса, растерянная и злая, как дикий зверек, попавший в капкан. Она была не похожа на предыдущих. В ней не было того первобытного ужаса, той паники, что сводила с ума. В ней был страх, да, но он был погребен под слоями упрямства, иронии и чего-то еще – глубоко запрятанной боли, которая была мне смутно знакома. Она смотрела на расколотое небо не как на конец света, а как на личное оскорбление.

И потом я увидел его. Медальон.

Кровь застыла в моих жилах. Ключ Хранителя. Тот самый, что исчез вместе с Лиандрой в огне ее последней битвы. Легенда, которую я считал красивой сказкой для утешения отчаявшихся. Носительница Эха. Веками это имя было лишь шепотом в древних текстах, символом несбывшейся надежды. И вот эта надежда стояла передо мной – в нелепых штанах из синей ткани, с выражением скептицизма на лице, и понятия не имела, какую катастрофу принесла с собой.

Мое раздражение, мой холодный гнев – все это было лишь броней. Под ней бушевал шторм. Если это правда, если она – та самая, то мир получил свой последний шанс. Шанс, который я поклялся не упустить. Но если это ловушка... если кто-то играет со мной, используя самые святые для меня символы, то ярость моя будет безгранична.

Я привел ее в Гавань. Я был груб, жесток. Я должен был сломать ее, посмотреть, что внутри. Увидеть, есть ли в ней хоть искра той силы, о которой говорили легенды. Или она – просто пустышка, случайная носительница великого артефакта. Ее попытка побега была предсказуема. Ее встреча со стражем – неизбежна. Я позволил этому случиться. Я должен был увидеть ее реакцию, почувствовать ее страх. И я почувствовал. Он был настоящим, животным, всепоглощающим. И в нем не было ни капли магии. Она даже не пыталась защититься.

Разочарование было горьким. Она была не той. Просто девочка, которой не повезло. Но Ключ... он не мог ошибаться.

И тогда я показал ей Узор. Это был риск. Прямой контакт с сутью мироздания мог сжечь ее разум. Но я должен был знать. И когда она, ведомая мной, прикоснулась к медальону... я почувствовал это. Эхо. Эхо древней крови, эхо силы, спавшей веками. Оно пробудилось в ней, как искра в сухом хворосте. Она не просто видела Узор. Она стала его частью. На мгновение я почувствовал ту самую гармонию, которую не ощущал со смерти Лиандры.

С этого момента все изменилось. Она перестала быть просто «проблемой». Она стала моей ответственностью. Моей последней надеждой и моим величайшим страхом. Я должен был научить ее. Быстро. Слишком быстро. Я стал для нее тем, кем когда-то была для меня Лиандра. Но я – не она. Во мне нет ее терпения, ее света. Во мне лишь пепел и сталь. Я давил на нее, ломал ее волю, заставлял смотреть в лицо боли, потому что это единственный язык, который я знаю. Язык выживания.

Ее одежда... эта последняя нить, связывающая ее с домом. Я видел, как она цепляется за нее. И я безжалостно обрубил эту нить. Потому что здесь нет места для сантиментов. Но когда она вышла в одежде, что я ей принес, что-то во мне дрогнуло. Она изменилась. Словно дикий цветок, пробившийся сквозь камень. В ней проснулась первобытная сила, которую она сама еще не осознавала. И, клянусь Расколом, она была прекрасна в этот момент. Настолько, что мне пришлось отвернуться, чтобы она не увидела этого в моих глазах.

Ее вопрос о языке был умен. Она начала думать, как Ткач. Анализировать не мир, а его законы. А потом, на Торжище... она «услышала» ложь. Я был ошеломлен. Этот дар был невероятно редок. Он требовал не силы, а чистоты восприятия. Способности видеть не только нити, но и грязь, что на них налипла. Лиандра говорила, что так Узор защищается от тех, кто пытается его исказить. И вот эта девочка, которая неделю назад не знала о магии ничего, сделала это инстинктивно.

В этот момент я понял. Она не просто носительница крови. В ней было что-то еще. Что-то уникальное. Что-то, что делало ее одновременно и сильнее, и уязвимее.

И это привело нас на ту платформу у края ущелья.

Я решил показать ей, как тянуть нить. Это было необходимо. Но я солгал, когда сказал, что просто покажу. Я хотел почувствовать ее снова. Почувствовать ее эхо, ее связь с Узором. Я встал позади, положил свои руки на ее. И это было ошибкой.

В тот миг, когда наши воли соединились, когда магия потекла через нас обоих, барьеры, которые я выстраивал годами, рухнули. Она не просто почувствовала мою силу. Она почувствовала мою боль.

Я не знаю, что она увидела. Увидела ли она огонь, поглощающий башню? Услышала ли крик Лиандры? Почувствовала ли мое отчаяние, когда я, еще совсем мальчишка, пытался удержать рушащееся плетение и не смог? Я не знаю. Но я почувствовал ее... сострадание. Не жалость. Не любопытство. А чистое, тихое сострадание, которое хлынуло от нее по нашей общей связи и ударило прямо в мою старую, кровоточащую рану.

Это было невыносимо. Боль, которую я научился сдерживать, контролировать, превращать в холодную ярость, вдруг вырвалась на свободу, подстегнутая ее теплом. На одно ужасное мгновение я снова был там, в огне, беспомощный и сломленный.

Я разорвал контакт. Я сбежал. Сбежал, как трус, потому что ее тихое понимание было страшнее любого врага. Она увидела трещину в моей броне. Она прикоснулась к тому демону, которого я прятал ото всех, и в первую очередь – от себя.

Я сбежал, потому что понял: эта девочка, это дитя Раскола и Узора, может не только спасти этот мир. Она может уничтожить меня. Или, что еще страшнее, – спасти. И я не был уверен, к чему из этого я готов меньше.

Глава 6. Гости из прошлого

Тишина, последовавшая за уходом Дамиана, была оглушающей. Она давила на уши, заполняя собой пространство, оставленное его внезапным отступлением. Кира осталась одна на продуваемой всеми ветрами платформе, ее сердце все еще колотилось в бешеном, сбитом ритме, а в ушах стоял отголосок его резких, холодных слов. «Возвращайся в дом». Это был не просто приказ. Это было бегство.

Она прикоснулась пальцами к губам, которые все еще хранили фантомное ощущение его дыхания. Он не просто учил ее. На одно короткое, головокружительное мгновение он поделился с ней чем-то большим, чем знание. Он позволил ей почувствовать трещину в своей душе. И это было страшнее и притягательнее любого колдовства. Она увидела его боль, и эта боль нашла отклик в ее собственной. Два одиночества, два сломленных существа, запертые в умирающем мире.

Медленно, словно во сне, она побрела обратно. Тропа, казавшаяся утром враждебной и чужой, теперь была просто тропой. Деревья – просто деревьями. Что-то внутри нее сдвинулось, настроилось на иную частоту. Мир не стал менее опасным, но он перестал быть абсолютно чужим. Она начала слышать его тихий, скорбный шепот, и этот шепот больше не сводил ее с ума. Он стал частью ее самой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.